

С. Г. Осьмачко

Методология и метод научного поиска К. Н. Леонтьева в оценках Н. А. Бердяева

В статье рассматриваются оценки особенностей методологии и метода научного поиска, которые в ряде своих работ дал Н. А. Бердяев замечательному отечественному мыслителю К. Н. Леонтьеву. В первую очередь, речь идет об определении гностического типа К. Н. Леонтьева. Н. А. Бердяев утверждает, что творчество К. Н. Леонтьева принципиально трудно соотносить с определенным гностическим типом, поскольку оно ясно и не замутнено какой-либо обязательной философской ситемой: К. Н. Леонтьева отличали эклектизм, эмпиризм и практическая достаточность. Н. А. Бердяев выделил характерные черты творческого метода К. Н. Леонтьева, к которым относились дилетантизм и особенности гностического складывания: субъективность, чуткость и персонализм и мн. др. Границы леонтьевского сознания определяются следующим образом: выдвижение нескольких констант (натурализм, эстетизм и религиозность) приводят к отождествлению эстетики и биологии, возникновению своеобразного эстетического пантеизма. Н. А. Бердяев подробно анализирует научно-философский, методологический дилетантизм К. Н. Леонтьева, показывая, каким образом свобода ума сказывается на произвольном построении иногда совершенно оригинальных теорий. В то же время, пытаясь привнести в политику свои «теоретические» воззрения, К. Н. Леонтьев выступает в качестве «махрового» консерватора.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, К. Н. Леонтьев, наука, методология, метод, гносеология, субъективизм, персонализм, консерватизм.

S. G. Osmachko

K. N. Leontiev's Methodology and a Method of Scientific Search in N. A. Berdyaev's Estimates

Here are considered assessment of features of methodology and a method of scientific search which in a number of the work N. A. Berdyaev gave to the remarkable national thinker K. N. Leontiev. First of all it is about definition of the Gnostic type by K. N. Leontiev. N. A. Berdyaev claims that it is essentially difficult to correlate K. N. Leontiev's creativity to a certain Gnostic type as it is clear and is not stirred up by any obligatory philosophical system; K. N. Leontiev was known for eclecticism, empiricism and practical sufficiency. N. A. Berdyaev revealed characteristic features of K. N. Leontiev's creative method, they are: dilettantism and features of Gnostic folding; subjectivity; keenness and personalism and many others. Limits of Leontiev consciousness are defined as follows: promotion of several constants – naturalism, aestheticism and religiousness – lead to identification of aesthetics and biology, emergence of a peculiar aesthetic pantheism. N. A. Berdyaev analyzes scientific philosophical, methodological dilettantism of K. N. Leontiev in detail, showing in what way freedom of mind affects spontaneous creation of sometimes absolutely original theories.

Keywords: N. A. Berdyaev, K. N. Leontiev, science, methodology, method, gnoseology, subjectivity, personalism, conservatism.

Взгляды К. Н. Леонтьева всегда привлекали внимание лучших представителей отечественной духовной культуры. Он интересен нам сегодня своей парадоксальностью, интеллектуальной загадочностью и даже философской маргинальностью. Он был «преждевременным» мыслителем, перед которым многие стояли как перед великой загадкой.

Социально-политический переход, который пытается осуществить теперь уже Российская Федерация, обнажил множество проблем, особенно в духовно-идеологической сфере. Упрощенная по сути и бюрократическая по форме идеология недавнего советского общества представляла собой некий набор идей, порой примитивно и вульгарно объяснявших те или иные явления природы и общества. Постсоветское идейное состояние – это в некотором смысле набор лакун, своего рода пустот; у мыслящей части общества заметен явный дефицит смыслополагания страте-

гических ментальных конструкторов и этических ориентиров.

Поиск ответов идет по многим направлениям, и многие же приходят на этом пути к К. Н. Леонтьеву. Мы полагаем, что такого рода интеллектуальная поисковая деятельность (обретение смысла происходящего в нас и вокруг нас постфактум) не может быть эффективной в сложившейся обстановке; она свидетельствует о традиционной для национального менталитета нехватке «свободы воли», о неумении жить «своим умом» и пр.

Наконец, взгляды К. Н. Леонтьева свободны и парадоксальны, часто радикальны и совершенно не отягощены какой-либо методологической привязкой. Таким образом, кое-кому может показаться, что в его творческом наследии достаточно легко найти ответы на все волнующие нас вопросы. Здесь и кроется главная ошибка легковесного подхода к леонтьевскому наследию – его пости-

жение требует вдумчивого и серьезного отношения.

Не стоит заниматься «смысловым ангажированием» леонтьевских нарративов, ведь главное в них не связано с пророчествами. Гораздо важнее в этом аспекте – леонтьевская особенная интуитивность, неформальность логического конструирования, своеобразность этико-эстетического критериума и многое другое.

Сегодняшнее признание К. Н. Леонтьева – преимущественно искусственный факт абстрагированного интеллектуального поиска. И в то же время противоречивость и парадоксальность К. Н. Леонтьева, его умение видеть все в развитии (без особого уклона в диалектику), эстетизация исторического процесса, причинно-следственных связей все же могут нам помочь. Следует, прежде всего, действовать как К. Н. Леонтьев – глубоко погружаться в прошлое с целью уяснения прошлого и (отчасти) будущего.

К. Н. Леонтьев актуален еще и тем, что исключительно идеологичен. Его творческие конструкции основываются на подходах так называемого византизма – самобытного учения, предполагающего, прежде всего, государственнические ориентации. В качестве общественного идеала он рассматривал религиозно оформленное самодержавие. Яркая государственническая апологетика К. Н. Леонтьева может помочь современным мыслителям в определении той позитивной составляющей государственного управления, пусть даже силовой, насильственно оформленной, без которой дальнейшее упорядоченное развитие страны не представляется возможным. Трудно не согласиться с его положением о том, что «иной раз государство должно быть сурово до свирепости», и даже с тем, что «народ должен быть политически ограничен». Действительно, современная представительная демократия предполагает правовое распределение конституционных прав, но не безбрежное предоставление их всем и вся.

В этом отношении следует обратить внимание и на леонтьевский тезис о государственно-патриотическом воспитании средствами школьного исторического образования. В данном контексте преподавание истории может сыграть положительную роль. Оно должно реализовываться на 2-х уровнях:

- в средней школе (патриотическая фактология и внедрение положительного примера);
- в высшем учебном заведении (решение аналитических задач, в том числе с негативным содержанием, разбор проблемных ситуаций).

Определение особенностей гностического типа. Н. А. Бердяев заметил, что К. Н. Леонтьев «в общем не принадлежал к гностическому типу», поскольку у него «не было сложных познавательных интересов и широкого познавательного кругозора» [3, с. 66]. Речь идет об отсутствии у К. Н. Леонтьева какой-то системной методологической базы, взаимосвязанной и взаимообусловленной системы принципов, законов, категорий, соответствующей рефлексии. «Он не философ, – писал Н. А. Бердяев, – по характеру своего образования, по складу духа и по культуре ума. В слишком отвлеченных философских вопросах он всегда чувствует себя беспомощным. Мышление его было натуралистическое и художественное, ясное и образное, мысль его не могла двигаться в абстракциях» [3, с. 17].

Для Н. А. Бердяева гностический тип К. Н. Леонтьева был не столько философско-методологическим, сколько практическим, эмпирическим и даже – эклектическим: «Это был человек необыкновенно сильного и острого ума, один из умнейших русских людей. Но ум его был по преимуществу эмпирический, а не метафизический. Он совсем не силен в диалектике и не может мыслить отвлеченно. Никакой философской школы у него не чувствуется, а всегда чувствуется школа натуралиста и дарование художника» [3, с. 66].

Н. А. Бердяев неоднократно отмечал, что ясный ум К. Н. Леонтьева был чужд «всякой метафизической туманности и неясности», что этот замечательный мыслитель-практик «не умел развивать систематические свои идеи», а посему его идеи – острые и радикальные – «не отличаются большим разнообразием и богатством», что «он не платоник, не созерцатель общих идей» [3, с. 17, 66, 68, 110]. Проще говоря, все исследователи, занимавшиеся изысканиями К. Н. Леонтьева, объективно были вынуждены признавать отсутствие у него завершенной методологической системы, ясной и взвешенной философской позиции.

Характерные черты творческого метода. Среди показателей философско-методологической недостаточности идейно-теоретических позиций К. Н. Леонтьева Н. А. Бердяев, в первую очередь, выделяет *дилетантизм и особенности гностического складывания*: «Он не был ученым, не был специалистом, не обладал большой начитанностью» [3, с. 79], да и «занятия медициной не прошли для него бесследно»: естественно-научная школа работала у него натурализм, пантеизм, реализм;

«он остался анатомом, физиологом и патологом человеческого общества» [3, с. 17].

Отталкиваясь от особенностей творческого формирования *К. Н. Леонтьева*, Н. А. Бердяев следующим образом определяет *границы его сознания*:

1. Последний постоянно выдвигает несколько базовых констант, обязательно присутствовавших в творчестве (в данном случае) *К. Н. Леонтьева*, в его личной мыслительной деятельности; среди них – натурализм, эстетизм и религиозность: «натурализм у *К. Леонтьева* был одним из определяющих элементов его духовной жизни, и он связался с его эстетизмом, а позднее – и с его религиозностью»; кроме того, «*К. Н.* исповедывал серьезный и своеобразный эстетический пантеизм, который должен был столкнуться с его религиозным теизмом. У него была своеобразная натурфилософия, но недостаточно раскрытая и обоснованная, не имеющая никакого гносеологического фундамента. В основе этой натурфилософии лежит отождествление эстетики и биологии, красоты и жизни» [3, с. 17, 87];

2. Характеризует особенности мыслительной координации этих базовых констант. *К. Н. Леонтьев*, не будучи связанным требованиями логики какой-либо философско-методологической системы, сочетал эстетизм, натурализм и религиозность «свободно и самостоятельно, не насилуя друг друга». Методологический (казалось бы) недостаток оборачивается интеллектуальным достоинством – свободой мыслительного выбора, способностью выходить за рамки традиции, конвенции: «*К. Леонтьев* был необычайно свободный ум, один из самых свободных русских умов, ничем не связанный, совершенно независимый. В нем было истинное свободомыслие, которое так трудно встретить в русской интеллигентной мысли» [3, с. 68].

3. Оценивает возможности интеллектуальных прорывов. Н. А. Бердяев остроумно заметил, что в данном случае дилетантизм все же сыграл на руку леонтьевской прозорливости, поскольку уже не раз бывало и так, что «самые глубокие интуиции в общественной философии принадлежат не ученым академического склада, а свободным мыслителям. Один *Ж. де Местр*, или один *Чаадаев* стоили многих профессоров-специалистов» [3, с. 79]. То, что писал *К. Н. Леонтьев* о социализме, культе личности, глобализации, массовой культуре и обществе потребления (современная терминология), подтверждает, условно говоря, потенциалы дилетантизма.

С другой стороны, Н. А. Бердяев достаточно объективно и строго оценивал публицистические

ограничения, которые немедленно проявлялись, как только *К. Н. Леонтьев* начинал излагать свои проекты на страницах политически ангажированных газет и журналов: «Но вот необычайно оригинальный и свободный мыслитель иногда уступает место консервативному публицисту, прибегающему к формулам слишком затасканным» [3, с. 110]. Здесь речь идет о подчинении свободы творческой личности некоей (часто неофициальной) линии, политической партии или общественному направлению.

Персонализм. Субъективность. Для Н. А. Бердяева *К. Н. Леонтьев* особо интересен, прежде всего, отождествлением объективного и субъективного. Но, скорее всего, это касается формальной стороны дела; по сути, он объективизирует окружающее лишь в произвольно трактуемых рамках собственной субъективности: «Он занят самим собой перед лицом вечности. Он решает объективные вопросы в связи с субъективным вопросом своей судьбы» [3, с. 8]. Таким образом, в фокусе внимания *К. Н. Леонтьева* не интересы дела, не необходимость или случайность, но «потребность разрешить проблему личной судьбы» [3, с. 8]. *К. Н. Леонтьев* постоянно ссылаясь на свою эстетическую сориентированность относительно мира всякой индивидуальности, но, по тонкому замечанию Н. А. Бердяева, «сверхмировое значение всякой живой индивидуальности было ему чуждо и непонятно» [3, с. 225]. Отказ от анализа глубинных проблем детерминизма, детерминации его базовых составляющих, поверхностное признание предопределенности априори сыграли с *К. Н. Леонтьевым* злую шутку: с одной стороны, облегченное восприятие онтологической сущности толкало его в сторону эсхатологии, пессимизма («для мира и людей у *Леонтьева* были только зло и мрак, насилие и страх» [3 с. 225]); с другой – на уровне индивидуального сознания его детерминизм как бы вдруг мог превратиться в свою противоположность (индетерминизм), когда предпосылки, причины, факторы каких-то событий, процессов или не существуют, или не могут быть осмыслены.

Н. А. Бердяев утверждал, что *чуткость* (осмысление современности) и *прозорливость* (реализация прогностической функции) у *К. Н. Леонтьева* «были изумительными». Особенно в последние годы жизни *К. Н. Леонтьев* «острее и глубже всех понимал и характер русского народа, и процессы, совершающиеся в России. Он, по существу, оказался более прав, чем все, чем славянофилы и западники. У него было

катастрофическое чувство наступления новой эпохи» [3, с. 178].

Способность оценивать нарождающееся через призму катастрофы отмирающего, конечно, не соответствует историческому или гносеологическому оптимизму, но порождает *реализм*, ясность в понимании происходящего. Н. А. Бердяев писал: «Бесстрашие мысли характерно для К. Н. Леонтьева. Он не делает себе никаких розовых или оптимистических иллюзий. Он прямо смотрит в глаза будущему и предсказывает о нем много верного» [2, с. 85]. «Французская ясность ума», способность «мыслить резко и чеканно», «смелость, искренность и радикализм мысли» [2, с. 145] – вот что отличает мыслительную манеру К. Н. Леонтьева. Он, по мнению Н. А. Бердяева, «эмансипировал мысль – в этом одна из величайших его заслуг. В нем было живое развитие личности, нечто индивидуальное, а не отвлеченная свобода лица» [2, с. 69].

Принципиальная характеристика мирозерцания. Интерес Н. А. Бердяева к теоретическим исканиям К. Н. Леонтьева не случаен: оба замечательных мыслителя, не совпадая в принципе, позиционно соприкасались друг с другом и часто двигались в одном направлении. Так, Л. Р. Авдеева отмечала «характерную близость их философского умонастроения и психологической установки на преодоление фатальности», что проявлялось в «идее необходимости действия без надежды на успех в противостоянии року, несмотря на предчувствие возможного поражения» [1, с. 91].

Для Н. А. Бердяева, считавшего любую объективацию духа его же метафизической неудачей, «прорыв к новой эпохе духа, любви и свободы, освобождающей от тяжести материального мира, должен совершиться через творческий акт, мир должен быть побежден аскетически и творчески» [2, с. 312]. К. Н. Леонтьев, признававший единственно значимыми надмирные социокультурные ценности, в том же духе страстно стремился остановить историю, яростно пропагандировал византизм как средство спасения человечества, требовал «подморозить» Россию и т. п. – чаще всего, вопреки отчетливо ощущаемой безнадежности прилагаемых усилий.

Думается, что не последнюю роль в формировании «леонтьевского» интереса Н. А. Бердяева сыграло его стремление к системному осмыслению истории общественной мысли. Первая послевоенная книга Н. А. Бердяева – «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.» (издана в 1946 г. в Париже) – соответственно, имела целью раскрыть западному

миру такие уникальные свойства русской философии, как глубочайшая экзистенциальность, эсхатологизм, религиозный анархизм, одержимость идеей «Богочеловечества». Решая подобную задачу, автор не мог бы игнорировать взгляды К. Н. Леонтьева. В данном случае Н. А. Бердяев особенно обратил внимание на роль и место леонтьевских взглядов в соотнесении с идейно-теоретическими позициями П. Я. Чаадаева, Н. Я. Данилевского, А. И. Герцена, славянофилов, консерваторов; бердяевские оценки реакционности, консерватизма, особенностей творческого метода, этики, эстетизма и мн. др. К. Н. Леонтьева отличаются четкостью, системностью и последовательностью.

В марте 1926 г., также в Париже (издательство «ИМКА-пресс»), увидела свет монография Н. А. Бердяева «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли», в которой автор системно и структурно создал цельный, законченный портрет К. Н. Леонтьева – его судьбы и взглядов. Н. А. Бердяев однозначно относил К. Н. Леонтьева к числу «самых больших людей XIX века»; выделял его консерватизм как глубинное духовное средство соединения с отечественной историей и культурой. А. П. Козырев заключает, что указанная работа вызвала «большой резонанс в среде русской эмиграции, заставила некоторых ее деятелей, писавших о К. Н. Леонтьеве до революции, переосмыслить и заново высказать свое отношение к этому мыслителю» [4, с. 652].

А. П. Козырев также полагает, что и события трех русских революций, и вынужденный (1922 г.) отъезд за границу заставили Н. А. Бердяева «пересмотреть свое отношение к фигуре К. Н. Леонтьева и вообще к консервативно-реакционной традиции в русской политике и культуре» [4, с. 651]. Особенно наглядно этот поворот проявился в содержании книги «Философия неравенства», вышедшей в 1923 г. в Берлине и явившейся «своеобразной апологией духовной контрреволюции», на страницах которой Н. А. Бердяев «утверждает правду консерватизма, как и правду историзма, правду чувства исторической реальности, которая совершенно атрофирована в революционализме и радикализме» [4, с. 651].

Можно согласиться с вышеуказанной оценкой бердяевского поворота в отношении к К. Н. Леонтьеву, вспомнив, что во время написания первой «леонтьевской» статьи Н. А. Бердяева («Константин Леонтьев – философ реакционной романтики») тот представлялся замечательному автору преимущественно в отрицательном аспек-

те. Связано это было с тогдашней позицией Н. А. Бердяева: в то дореволюционное время он – «активный участник религиозно-философских собраний, один из идеологов «нового религиозного сознания», сутью которого был ярко выраженный христианский персонализм, осознание христианства как религии свободы, чаяние Третьего Завета и Царства Святого Духа, принятие революции и критика Православной Церкви и самодержавия, поэтому для Бердяева Леонтьев был своего рода антигероем «нового религиозного сознания» [4, с. 644].

В данном случае мы будем исходить из обобщенных оценок Н. А. Бердяева; тем более, что, по нашему мнению, его квалификации леонтьевских позиций наиболее интересны, как и критика сходных по тематике работ прочих авторов (например, оценка Н. А. Бердяевым соответствующих статей С. Н. Трубецкого и П. Н. Милюкова, в которых проявился «типически либеральный и малоинтересный подход к Леонтьеву») [4, с. 657].

Очень интересно представлена историософия К. Н. Леонтьева. Думается, что Н. А. Бердяев – лучший аналитик данной проблемы. Он неоднократно и с разных сторон оценивал так называемый натурализм леонтьевских историософических построений. Тот «любил органические периоды человеческой истории» (пики цветущей сложности) и «эстетически» не любил ее «критические периоды» (упадок, вторичное упрощительное смешение). Доминирование эстетического подхода в оценках мира истории привело Леонтьева к следующему: «В его сознании произошло сближение и совпадение эстетических и натуралистических восприятий и критериев. Это отождествление эстетической и биологической оценки может быть охарактеризовано как элемент натуралистического оптимизма в его миро-созерцании». Далее Н. А. Бердяев заключает: «Общество было для него организмом, и выход общества из органического состояния означал разложение и смерть» [1, с. 77, 78].

Н. А. Бердяев прямо указывал, что у К. Н. Леонтьева «не было надлежащей подготовки для научно-социологических исследований». Стремясь исключить из практики идею всеобщего благоденствия, «торжество правды и счастья на земле путем освободительного и уравнивающего прогресса», он «и схватился за совершенно несостоятельную органическую теорию развития и умирания наций и государств. Кроме натуралистической социологии, у К. Н. Леонтьева была еще мистическая философия истории; служили они одной и той же цели, но совершенно не были

между собой связаны» [2, с. 217].

Помимо несовпадения онтологического и социологического подходов в разорванной теории истории Леонтьева, Бердяев отмечал и такие ее пороки, как необъективность (тема реализма) и избыток детерминистского подхода. Бердяев иронизировал над постоянным стремлением Леонтьева демонстрировать («гордиться») свой «бессердечный жестокий реализм», стилистически использовать «ультрареалистические и ультрапозитивистские аргументы» («что несколько странно для мистика» и «страстной природы, менее всего способной на объективность»). «У Леонтьева нет и тени научного реализма», – заключал Бердяев [2, с. 216, 217].

Такова общая оценка Н. А. Бердяевым идейно-теоретического наследия К. Н. Леонтьева, которая, несомненно, должна и может быть продолжена на уровне частного знания. Так, в отношении восточного влияния на личность К. Н. Леонтьева отметим следующие моменты:

- разочарование в славянах, в их способности противостоять разрушительному прогрессу эгалитаристского типа, сохранять свою самобытную культуру;

- уточнил в собственном понимании роль национального фактора, уяснил себе его границы и последствия нерешительности использования;

- дипломатическая служба укрепила его отрицательные настроения в отношении европейского влияния и Европы в целом;

- К. Н. Леонтьев утвердился в определении особенного исторического призвания России – противостоять «окаменевшему Западу».

На рубеже 1860–1870-х гг. большое влияние на К. Н. Леонтьева оказало творчество Н. Я. Данилевского (особенно его трактат «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира и романо-германского»). Выделение Н. Я. Данилевским в сфере исторической деятельности человечества разнообразных по основе культурно-исторических типов (самобытных цивилизаций), четко сориентированных на регион традиционного влияния, показало К. Н. Леонтьеву весьма плодотворной идеей.

Мы можем утверждать, что к 1875 г. К. Н. Леонтьев окончательно превращается в идейного консерватора, противника любого равенства, защитника монашеского типа православия, сторонника неограниченной монархии и прав дворянства, противопоставлявшего яркую аристократическую личность позднего средневековья «продукту нивелировки» – «среднему буржуа».

Таким он оставался до последних дней.

Библиографический список

1. Авдеева, Л. Р. К. Н. Леонтьев: пророк или «одиноким мыслитель» [Текст] / Л. Р. Авдеева // Социально-политический журнал. – 1992. – № 8. – С. 85–94.
2. Бердяев, Н. А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] / Н. А. Бердяев // К. Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 3–327.
3. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] / Н. А. Бердяев // К. Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 217–294.
4. К. Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2 [Текст]. – СПб. : РХГИ, 1995. – 796 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Avdeeva, L. R. K. N. Leont'ev: prorok ili «odinokij myslitel'» [Tekst] / L. R. Avdeeva // Social'no-politicheskij zhurnal. – 1992. – № 8. – S. 85–94.
2. Berdjaev, N. A. K. Leont'ev – filosof reakcionnoj romantiki [Tekst] / N. A. Berdjaev // K. N. Leont'ev: pro jet kontra. Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 3–327.

3. Berdjaev, N. A. Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoj religioznoj mysli [Tekst] / N. A. Berdjaev // K. N. Leont'ev: pro jet kontra. Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 217–294.
4. K. N. Leont'ev: pro jet kontra. Kn. 2 [Tekst]. – SPb. : RHGI, 1995. – 796 s.

Reference List

1. Avdeeva L. R. K. N. Leontiev: prophet or «lonely thinker» // Socio-political magazine. – 1992. – № 8. – Page 85–94.
2. Berdyaev N. A. K. Leontiev is a philosopher of reactionary romanticism/K. N. Leontiev: pro et contra. Prince 1. – SPb. : RCHI, 1995. – Page 3–327.
3. Berdyaev N. A. Konstantin Leontiev. An essay from history of the Russian religious thought // K. N. Leontiev: pro et contra. book 1. – SPb. : RCHI, 1995. – Page 217–294.
4. K. N. Leontiev: pto et contra. Book 2. – SPb. : RCHI, 1995. – 796 pages.